

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Сон Ньютона»

«Newton's Sleep»

Ursula Kroeber Le Guin

Editor: Alex. Rux. EIA

Урсула Кроубер Ле Гуин

«Сон Ньютона»

Le Guin

“Newton’s Sleep”

1991 © Ursula Kroeber Le Guin

1991 © автор Урсула Кроубер Ле Гуин

1997 © переводчик В. Серебряков

23.09.2017 © оформление Alex-Rus

23.09.2017 © редактор Alex.Rus.UA

Le Guin

РЕДАКТОР: ALEX.RUS.UA

COPYRIGHT © 1991 BY URSULA KROEBER Le Guin

Аннотация

Гениальная Урсула Кроубер Ле Гуин (Ursula Kroeber Le Guin) в своём фантастическом рассказе 1991 года «Сон Ньютона» (в оригинале «Newton's Sleep») аллегорически раскрывает мистику старой истины о том, что все свои проблемы каждый всегда носит с собой, куда бы он не пошёл, куда бы не иммигрировал, насколько далеко не попытался бы убежать, дезертировать, скрыться: даже если человек покинет родную планету, вся его сущность всё равно останется с ним, неизменная и извечная — в нём самом. «Мир куда осмысленней, если не пытаться в нём разобраться» — в итоге приходит к выводу один из главных персонажей, прежде, чем окончательно «прозреть».

Данное произведение категорически рекомендуется к прочтению лицам всех возрастов, полов, рас и уровней ментально-духовного развития, включая все возможные виды (анти)гуманоидов, (квази)рептилоидов и конкретно (не)определившихся. Его же можно использовать в качестве краткого образовательно-познавательного чтения в исправительно-воспитательных процедурах (преимущественно в добровольно-принудительном порядке) для всех тяжело наркозависимых от сверхдоз «Подляпиных», по-RuSSia Today и прочих альтернативно одарённых проповедников истерично-суицидальных догматов «радиоактивного пепла»; равно как и ненавязчиво предлагать к ознакомлению любым патологически устойчивым мутантам массовой великокацапской селекции «homo soveticus», включая маниакально-великодуховных «гундяефилов» и параноидально-шизопатических «гейропофобов». Не будет оно лишним и для бесноватой когорты идолопоклонников всяческих мнимо «вечно живых» или, к сожалению, пока ещё действительно чрезмерно здоровых тиранов (с богомерзкими «погоняловыми» вроде Сталина и плюгавого «ла-ла ла-ла»), а именно великорабелепных верноподданных «руSSкага міра» и даже, возможно, для некоторых (худо-бедно научившихся читать) фанатично-кровожадных апологетов «Третьего Рима», Рейха, Вавилона иже с ними...

23.09.2017 © Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus¹

1 Редакция 23.09.2017 г. фантастического рассказа 1991 года «Сон Ньютона» (в оригинале «Newton's Sleep», автор Урсула Кроубер Ле Гуин/Ursula Kroeber Le Guin, перевод 1997 г. В. Серебрякова) на основе текстового файла от 05.04.2001 г.. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

«Сон Ньютона»

Когда правительство Атлантического союза, спонсировавшее ОСПУЗ² в рамках очень секретной программы, пало в результате Високосного путча, Мэстон и его люди уже были готовы. В один день все накопления, документы и члены Общества были переброшены в США. Немного оправившись, они подали прошение правительству Республики Калифорния на поселение, заявившись группой сектантов-хилиастов, и им выделили для проживания обезлюдившие отравленные болота долины Сан-Хоакин. Построенный ими город-купол был прототипом самого Особого Спутника Земли, и жизнь в нём была приятна настолько, что кое-кто из колонистов начал поговаривать, будто *вовсе незачем тратить зря столько сил и энергии — почему бы, дескать, тут и не остаться?* Но разрыв калифорнийско-мексиканского мирного договора, первая волна вторжения с юга и новая вспышка грибковой чумы показали лишний раз, что *Земля более для жизни непригодна*. В течение четырёх лет четырежды в год сновали туда-обратно челноки со строительными командами. Через семь лет после переезда в Калифорнию последний челнок, десять раз просновав между Землей и золотым пузырьком в точке либрации, доставил колонистов на ОСПУЗ, в безопасность. А пять недель спустя мониторы ОСПУЗа показали, как орды Рамиреса захлестнули Бейкерсфилд, разрушив взлётную площадку, разграбив всё, что осталось в комплексе, и подпалив купол.

— Мы были на волосок от гибели, — заметил Ноах³, обращаясь к своему отцу Изе.

Ноаху было одиннадцать, читал он много и каждое вновь открытое клише смаковал с упоительной серьёзностью.

— Вот чего я не понимаю, — пожаловалась пятнадцатилетняя Эстер, — так это почему все остальные за нами не последовали.

Она приподняла очки и, прищурившись, взгляделась в экран. Коррективная хирургия мало чем могла помочь ей, а учитывая жестокие аллергические реакции и проблемы с иммунитетом, вопрос о пересадке глаз не стоял — она даже контактные линзы носить не могла. Обходилась очками, как

2 Здесь под аббревиатурой «ОСПУЗ», очевидно, подразумевается «Особый Спутник Земли» (пожалуй, правильнее было бы нечто вроде ОСЗ или тогда уж ОСПуЗ). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

3 В оригинале практически всюду по тексту (нигде не исправляю и далее отдельно не комментирую, пусть переводчику — В. Серебрякову — будет стыдно) такая вот «х»-варварская транскрипция «Ноах» мужского имени Noah, т. е. Ноа — вариант произношения имени Ной (ветхозаветный праведник, герой повествования о Всемирном потопе), которое, впрочем, также местами применяется (см. 4). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

в гетто. Врачи уверяли Изю, что пара лет в свободной от загрязнения среде ОСПУЗа избавит её от большинства проблем и тогда она сможет выбрать себе пару новеньких глаз из заморозки. *«Будешь тогда синеглазка моя!»* — утешал он тринадцатилетнюю дочку, когда третья по счёту операция не увенчалась успехом. Главное, что дефект был приобретённым, а не наследственным. *«Гены у тебя чистенькие, — говорил ей Изя. — У нас с Ноахом рецессивный ген сколиоза, а вот у тебя, девочка моя, безупречные спиральки. Ною⁴-то придётся искать себе подругу в группах В⁵ или G, а ты можешь выбрать кого угодно во всей колонии — ты неограниченная. У нас таких только дюжина».*

— Значит, я смогу вести *неприличный* образ жизни, — заключила Эстер; выражения её лица не было видно под повязками. — Да здравствует номер тринадцать!

Сейчас они с братом стояли у монитора — Изя позвал их, чтобы показать, *какая судьба постигла купол Бейкерсфилд*. Некоторые на ОСПУЗе, особенно женщины и дети, впадали в сентиментальность, или, как они говорили, *«ностальгию»*. Изя хотел показать детям, *чем стала Земля, почему* они покинули её. Электронный мозг, запрограммированный на выбор интересных для обитателей ОСПУЗа тем, завершил репортаж о разграблении Бейкерсфилда показом карты с отмеченными завоеваниями Рамиреса и переключился на бассейн Амазонки, где работали перуанские метеорологи. Экран заполнили дюны и голые ржавые равнины; за кадром нудел голос ЭМ, переводящего дикторский текст на английский.

— Только гляньте, — сказала Эстер, поднимая очки. — Там всё *мертво*. Почему они все сюда не подались?

— Деньги, — бросила её мать.

— Потому что большинство людей не хотят довериться разуму, — ответил Изя. — Деньги — средства — лишь вторичный фактор. Последние сто лет любой, кто мог взглянуть на мир *разумно*, видел, *что* происходит: истощение ресурсов, демографический взрыв, распад государственных систем. Но *чтобы действовать рационально, нужно поверить в разум*. А большинство скорее поверит в удачу, в Господа Бога или в очередную панацею. Разум суров. Трудно планировать, ждать годами, принимать решения, экономить снова и снова, хранить тайну, чтобы её не украли или не разрушили жадностью или мягкотелостью. Многим ли под силу держаться выбранного пути, когда рушится мир? Разум — вот компас, который привёл нас сюда.

— И никто другой не пытался?

— О других мы не слышали ничего.

4 Теперь вдруг «Ною», хотя наверняка подразумевается один и тот же персонаж, с одним и тем же написанием имени по-английски (см. 3). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

5 В оригинале «В» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Были ещё *фои*, — пискнул Ноах. — Я читал о них. Они тысячи людей помещали в заморозку, живых и здоровых, потом строили эти дешёвые ракетки и отправляли в полёт: дескать, через тысячи лет они прилетят к какой-то звезде и проснутся. Они не знали даже, есть ли там планета.

— Вот-вот, а их вождь, преподобный Кевин Фой, уже будет ждать их, чтобы поприветствовать с прибытием на землю обетованную, — закончил за него Изя. — Аллилуйя! ... *Бедные придурки* — так их в народе звали. Я тогда был твоим ровесником, смотрел по телевизору, как они залезают в эти свои ракеты. У половины или грибок, или БМВ-инфекция. Детей несут на руках, поют гимны. Это не люди, доверившиеся разуму. Это люди, в отчаянии отбросившие его.

В объёмном экране над пустынями Амазонии набирала силу колоссальная пыльная буря — тусклое, рыже-серо-бурое пятно. Цвета грязи.

— Нам, похоже, *повезло*, — заметила Эстер.

— Нет, — ответил её отец. — Удача тут ни при чём. И мы не *избранный народ*. Мы те, *которые выбрали*.

Изя был мягким человеком. Но сейчас в голосе его слышался тугой звон. Дети и жена удивлённо глянули на него.

— И мы *принесли жертвы*, — произнесла Шошана. Карие глаза её были прозрачны.

Изя кивнул.

Она, вероятно, думала о его матери. Сара Розе могла претендовать на одно из четырёх мест, оставленных для женщин, вышедших из детородного вóзраста, но всё ещё полезных для колонии. Но когда Изя сообщил ей, что внёс её в списки, Сара взорвалась: «*Жить в этой кошмарной банке, в этом летающем мячике? Без воздуха, в тесноте?*» Изя пытался рассказать ей о пейзажах, но она отвергала все возражения. «*Исаак, меня клаустрофобия одолевала в куполе Чикаго, а там миля⁶ в поперечнике! Забудь об этом. Бери Шошану, бери детей, а меня оставь дышать смогом, ладно? Езжай. А мне пришлѐшь открытку с Марса*». Не прошло и трёх лет, как она умерла от БМВ-3. Когда Изина сестра позвонила и сказала, что мать умирает, Изя уже прошѐл санобработку. Покинуть купол Бейкерсфилд значило проходить всё сначала, а кроме того, подвергнуться риску заражения последней, сáмой смертоносной формой быстро мутирующего вируса, который унёс тогда уже два миллиарда человеческих жизней — больше, чем отложенная радиационная болезнь, и почти столько же, сколько голод. Изя не поехал. Потом пришло письмо от сестры: «*Мама умерла в ночь на среду, похороны в пятницу в десять*». Он посылал пѝсьма, факсы, «е-мэйлы», звонил, но не мог пробиться — а может, сестра не захотела отвечать. Теперь боль почти унялась. Они *выбрали*. И *принесли жертву*.

6 В метрической системе 1 миля — это чуть более 1,6 км. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Перед Изей стояли его дети, прекрасные дети, ради которых приносилась эта жертва, его надежда и будущее. А на Земле сейчас приносили в жертву детей. В жертву прошлому.

— Мы выбрали. Мы принесли жертву. И мы были *избавлены*. — Слетевшее с губ слово изумило его.

— Эй, — воскликнул Ноах, — пошли, Эся, пятнадцать часов, мы шоу пропустим!

Они сорвались с места — тощий мальчишка и пухленькая девочка — и, выскочив в дверь, рванули по пейзажу.

Семья Розе жила в Вермонте. Изе подошёл бы любой ландшафт, но Шошана заявила, что *Флорида и Боулдер-Дам выглядят ненатурально, а городской ландшафт свёл бы её с ума в два дня*. Так что их блок выходил на пейзаж Вермонта. Общая ячейка, куда направлялись дети, выглядела сельским домом, сияющим белой штукатуркой, а на мнимом горизонте синели уютные лесистые холмы. Свет солнца падал на квадрант Вермонт под самым удачным углом: *«Не то позднее утро, не то начало дня, — говорила Шошана, — всегда есть время поработать»*. Это, конечно, не вполне соответствовало реальности, но, по мнению Изи, не слишком, а потому он не протестовал. Будучи «совой», он нуждался лишь в трёх-четырёх часах сна и радовался уже тому, что продолжительность ночи на спутнике всегда постоянна и не сокращается летом.

— Знаешь, что я тебе скажу... — произнёс он, продолжая думать о детях и внимательном взгляде Шошаны.

— Что же? — переспросила та, глядя на *головид*, в глубине которого буря, уродливая ползучая клякса, раскидывала по стратосфере свои щупальца.

— Я не люблю *мониторы*. Не люблю *смотреть вниз*.

Признание это не было лёгким. Но Шошана только улыбнулась и ответила:

— Знаю.

Этого было мало для Изи. Он хотел услышать больше и больше высказать.

— Порой мне хочется *выключить* их, — усмехнулся он. — Не всерьёз, конечно. Но... это связь, канат, пуповина. Её я хотел бы *оборвать*. Чтобы они начали заново. С чистого, белого листа. Наши дети, я хочу сказать.

Шошана кивнула.

— Может, так было бы лучше, — заметила она.

— Их детям это так и так предстоит... Знаешь, сейчас в отделе ДС идёт интересный спор. — По профессии Изя был инженером-физиком, выбранным Мэстоном на роль главного специалиста ОСПУЗа по

искусственным интеллектам Шонвельдта. Сейчас приоритетной из восьми его должностей была работа на посту начальника группы дизайна среды для второго ОСПУЗа, строящегося сейчас в мастерских.

— О чём?

— Эл Левайтис предложил вообще избавиться от пейзажей. Произнёс большую речь. Утверждает, что дело в честности. Давайте, дескать, честно пользоваться тем или иным сектором, позволим ему найти собственную эстетику и не будем *навязывать* ему иллюзорную. Если наш мир — ОСПУЗ, давайте примем его таким, какой он есть. Что будут значить для следующего поколения эти потоги воспроизвести земные ландшафты? И многие считают,⁷ что он в чём-то прав.

— Так и есть, — ответила Шошана.

— А ты смогла бы *так* жить? Без иллюзии простора, без горизонта... без деревенской церкви... может, даже без астропочвы — только полированный металл и керамика. Смогла бы ты *принять это*?

— А ты?

— Думаю, да. Так было бы проще... и, как говорит Эл, *честнее*. Не цепляясь за прошлое, мы могли бы все усилия отдать настоящему и будущему. Знаешь, мы прошли такой долгий путь, что трудно осознать, что бегство закончено, что мы здесь. Мы уже строим новую колонию. Когда в каждой оптимальной точке будет висеть станция — или когда мы решим построить Большой корабль и вовсе покинуть Солнечную систему, — какое значение будут иметь для наших потомков воспоминания о Земле? Они будут *истинными косможителями*. В этой свободе весь смысл нашего пути. И я не отказался бы глотнуть её прямо сейчас.

— Достаточно честно, — отозвалась Шошана. — Думаю, я просто опасаюсь упрощенчества.

— Но эта вот башня — что она будет значить для рождённых и выросших в пространстве? Бессмысленная руина. Мёртвое прошлое.

— Я, например, не скажу, *что* она значит для меня, — возразила Шошана. — Это ведь *не моё* прошлое.

Но изображение *притягивало* Изю...

— Смотри! — воскликнул он. Карта показывала береговые линии Перу в 1990 и 2040 годах, отмечая поглощённые морем земли. — *Погода*. Ничего хуже на свете нет! Хорошо, хоть от этой невозможной, непредсказуемой глупости мы избавились!

Из волн поднимался полуразрушенный небоскрёб — всё, что осталось от Мирафлореса. Низко над бурным морем висел тусклый облачный полог. Изя отвёл глаза от монитора, глянул на иллюзию мирной Новой Англии и увидел за

иллюзией истинное убежище, хранящее их в себе, дарующее свободу. *«Правда сделает вас свободными»*, — подумал он и, приобняв жену за плечи, произнёс это вслух.

— Ты лапочка, — прошептала Шошана, прижавшись к мужу.

Великие слова спустились до уровня семейных отношений, но Изе и это было приятно. Подходя к лифту, он осознал вдруг, что *счастлив* — совершенно счастлив. *Должно быть, отрицательные ионы в воздухе*, укорил он себя, но одной физиологии для объяснения было мало. Он ощущал то, что человек на Земле так долго искал и не находил, не мог найти, — *разумное счастье*. Там, внизу, роду человеческому оставались лишь жизнь, свобода и путь к цели, а теперь он лишился и этого. Четыре Всадника гнали человечество через прах умирающего мира. И вновь в памяти Исаака всплыло странное слово: *«избавлены»*. *«Мы были избавлены»*.

Собрание по пересмотру школьного расписания случилось в третьем квартале второго года ОСПУЗа. Изя присутствовал как член родительского комитета, Шошана — как родитель и учитель на полставки (приоритетной её профессией была диетология), а Эстер — потому что подростков приглашали на собрания в рамках политики деинфантилизации, а кроме того, её привёл отец. Председатель комитета по образованию Дик Аллардайс произнёс речь о целях и достижениях, пара учителей внесли предложения и зачитали отчёты. Изя выступил в пользу обучения детей при помощи ЭМ. Всё шло по накатанной колее, пока не поднялся Сонни Виггри⁸. Сонни был улыбчивым американцем-южанином со стопроцентным конфедеративным акцентом, четырьмя или пятью университетскими дипломами (разными) и умом жестоким, как стальной капкан с бритвами вместо лезвий.

— Я б што ха-ател знать, — протянул он скромно, — што вы тута думати нащёт учить гивалогию? Знате, я бы на её плюнул.

Пока Изя мысленно переводил его речь на привычный коннектикутский диалект, встал Сэм Хендерсон. Геология была одной из его профессий.

— Ты что, Сонни, — изумился он на своём гортанном огайоском наречии, — предлагаешь вычеркнуть из расписания геологию?

— Да я только шпросил, што вы тута думати? ...

Это Изя перевёл с лёгкостью: Сонни уже обеспечил себе большинство при голосовании и теперь готов внести предложение. Сэм тоже знал эту игру.

— Ну, по моему мнению, вопрос достоин обсуждения...

8 В оригинале так и было «Виггри», в отличие от последующей версии (см. 9), но не исправляю, ведь (ввиду отсутствия англоязычного оригинала) более правдивый вариант остаётся загадкой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Вскочила Элисон Джонс-Курава, преподававшая естествознание на третьем уровне. Изя ожидал бурного всплеска эмоций: дескать, *дети ОСПУЗа не должны забывать родную планету* и т. п. Но Элисон вполне разумно заметила, что *научные знания, ограниченные структурой и содержимым ОСПУЗа, до опасного абстрактны*. «Если мы когда-нибудь решим терраформировать Луну, например, вместо того чтобы строить Большой корабль, не сто́ит ли нашим детям хотя бы представлять себе, что такое камень?» — говорила она. «Главное ухвачено верно, — думал Изя, — и всё же она ошибается, потому что суть не в том, оставить ли в расписании уроков геологию, а во влиянии Сонни Виггри⁹, Джона Падопулоса и Джона Келли на комитет по образованию». Спор шёл прежде всего о власти, а учителя не понимали это: у женщин с властью всегда проблемы. И исход спора предсказать было так же легко, как и его ход. Единственное, что удивило Изю, — так это то, как Джон Келли накинулся на Мойше Оренштейна. Мойше утверждал, что *Земля — лаборатория ОСПУЗа и пользоваться ею надо соответственно*, и пустился рассказывать, как его класс учился аналитической химии на одном-единственном камешке, который Мойше привёз с горы Синай в качестве сувенира и лабораторного образца одновременно, — «согласно принципу множественного использования, ну и из сентиментальности, понимаете...» И вот тут Джон Келли оборвал его: «*Ну хватит! Мы говорим о геологии, а не об этнографии!*» — и пока Мойше ошарашенно молчал, Падопулос внёс предложение.

— Кажется, Мойше докопался до Джона Келли, — заметил Изя, когда они шли по коридору А¹⁰ к лифту.

— Ну и *срань*, пап, — отозвалась Эстер.

К шестнадцати годам Эстер немного подросла, хотя всё ещё сутулилась, вытягивая шею вперёд в попытках разглядеть что-нибудь сквозь толстые стёкла очков, всё время спадавших с носа. Характер у неё был вспыльчивый, и Изе едва удавалось связать пару слов без того, чтобы дочь ему не нагубила.

— Эстер, «срань» — не то высказывание, после которого можно продолжать спор, — мягко заметил он.

— Какой *спор*?

— Как я понял, о том, что Джон Келли нетерпимо относится к Мойше и почему.

— Да срань это всё, пап!

— Эстер, прекрати! — не выдержала Шошана.

— Прекратить что?

— Если ты, как можно судить по твоему тону, знаешь, что так раздражает Джона, — заявил Изя, — может, поделишься с нами?

9 В оригинале было «Вигтри», в отличие от предыдущей версии (см. 8), на которую (как на более раннюю) и исправляю, хотя (ввиду отсутствия англоязычного оригинала) более правдивый вариант остаётся загадкой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

10 В оригинале «А» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Когда *так* стараешься не поддаваться иррациональным импульсам, а в ответ не получаешь ничего, кроме бури эмоций, трудно оставаться спокойным. Вполне уместная просьба ввела девушку в состояние слепого бешенства. Толстые стёкла яростно блеснули — за ними почти не было видно серых глаз. Потом Эстер протолкнулась вперёд и вбежала в лифт, распахнувший двери будто для того, чтобы вместить её гнев. Родителей она ждать не стала.

— Ну, — устало проговорил Изя, пока они с женой ждали следующего лифта на Вермонт, — и что *это* было?

Шошана чуть пожала плечами:

— Я не понимаю. Почему она *так* враждебна, *так* агрессивна?

Вопрос этот вставал и раньше, но Шошана даже не пыталась на него ответить. Молчание её было почти суровым, и Изя чувствовал себя неловко.

— Чего она хочет этим добиться? Что ей надо?

— Тимми Келли, — ответила Шошана, — называет тебя *жидом Розе*. Так мне Эстер сказала. Её он в школе зовёт «*жидовской розочкой*». Она говорит, что «*четыре глаза*» ей нравилось больше.

— Ох, — выдавил Изя. — Ох... *срань*.

— *Именно*.

До Вермонта они ехали молча.

— Я не понимаю даже, — заметил Изя, когда они шли под фальшивыми звёздами через общую ячейку, — где он слово *такое* слышал.

— Кто?

— Тимми Келли. Он ровесник Эстер — на год моложе. Он вырос в Колонии, как и она. Келли присоединились годом позже нас. Господи всевышний! Мы можем избавиться от всех вирусов, всех бактерий, всех спор, но *это...* это проникает всюду! Как? *Как* это происходит? Я говорю тебе, Шошана, *мониторы надо закрыть*. Всё, что эти детишки видят на Земле, слышат с Земли, — урок насилия, предрассудков и суеверий.

— Для этого не обязательно смотреть на мониторы. — Голос Шошаны был почти по-учительски терпеливым.

— Я работал с Джоном на «Лунной тени», бок о бок, каждый день, восемь месяцев. И ничего, *ничего подобного не было*.

— Это больше Пат, чем Джон, — отозвалась Шошана всё так же неодобрительно-бесстрастно. — Эти годы мелких подначек в комитете диетического планирования. Шуточки. «*Как, Шошана, это будет кошерно?*» Ну и? ... С этим приходится жить.

— Там, внизу, — да, но здесь, в Колонии, на ОСПУЗе...

— Изя, жители Колонии — самые консервативные из обывателей, разве ты не заметил? *Снобы из снобов*. А кем нам ещё быть?

— *Консервативные? Обыватели?* О чём ты говоришь?

— Да ты глянь на нас! Властная иерархия, разделение труда на мужской и женский, картезианская этика — сущая середина двадцатого века! Понимаешь, я не жалею. Я сама это выбрала. Я люблю безопасность и хочу, чтобы мои дети жили спокойно. Но *за безопасность надо платить*.

— Я не понимаю *такого* отношения. Мы всем рисковали ради ОСПУЗа — потому что мы нацелены в будущее. Сюда попали те, кто решил отбросить прошлое, начать всё заново. Создать истинно гуманное общество и сделать сразу всё правильно, хоть в этот раз! Это обновители, смелые духом, а не толпа мещан, погрязших в предрассудках. Наш средний коэффициент интеллекта — 165...

— Я знаю. Знаю наш средний КИ.

— Мальчишка *бунтует*, — проговорил Изя после недолгого молчания. — Как и Эстер. Ругаются самыми страшными словами, которые знают, пытаются поразить взрослых. Это *бессмысленно*.

— Как Джон Келли сегодня?

— Слушай, Мойше не мог остановиться. Всё об этом своём булыжнике сувенирном... знаешь, он слишком много играет на публику. Школьники ещё проглатывают, но на заседании комитета это становится утомительным. Если Джон его оборвал, то Мойше сам напросился.

Они подошли к двери своего блока — точно как в сельском домике в Новой Англии, хотя, когда Изя нажал на кнопку звонка, она с шипением скользнула вбок.

Эстер, конечно, уже ушла к себе. В последнее время она старалась как можно меньше находиться в гостинной ячейке. Ноах и Джейсон раскидали по всему полу и встройкам диаграммы, распечатки, учебники, доску для триди-шашек¹¹, а сами сидели посреди этого безобразия, хрустели белковыми чипсами и болтали.

— Сестрёнка Тома лепечет, будто видела её в Общей, — говорил Джейсон. — Привет, Исаак, Шошана. Не знаю, можно ли верить шестилетней девчонке.

— Да, она скорее всего повторяет за Линдой, пытается внимание привлечь. Привет, пап, мам. Слышали, что Линда Джонс и Триз Герлак болтают насчёт обожжённой женщины, которую видели?

— Что значит — *обожжённой*?

11 В оригинале так и было некое «триди-шашек» (не исправляю, хотя по звучанию могу предположить, что речь про 3D, т. е. трёхмерные шашки). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— У школы, в коридоре С-1¹². Они шли там на какое-то своё девчачье мероприятие...

— Уроки та-анцев, — перебил Джейсон и тут же изобразил нечто среднее между умирающим лебедем и блюющим школьником.

— ... И говорят, что в первый раз эту женщину увидели, — каково, а? Как это на ОСПУЗе может оказаться кто-то, с кем ещё ни разу не виделся? И она была вся¹³ обгорелая и вроде как жалась к стенке, точно *пряталась* от кого-то. А ещё они говорят, что женщина свернула на С-3¹⁴ прямо перед ними, а когда они зашли за угол, её и след простыл. И ни в одну из ячеек по С-3¹⁵ она не заходила. Джейсон говорит, что сестрёнка Тома Форта тоже эту женщину видала, но эта, наверное, просто выдумывает, чтобы на неё внимание обратили.

— Говорит, у той были *белые* глаза. — Джейсон закатил свои, голубые. — Жуть как *страшно*.

— Девочки об этом сообщили кому-нибудь? — поинтересовался Изя.

— Триз и Линда? Не знаю. — Ноах уже потерял интерес к разговору. — Так получим мы *допвремя* на работу с Шонвельдтом?

— Я заказал, — ответил Изя.

Настроение у него было испорчено. Непонятная злоба Эстер, непонимание Шошаны, а теперь вот Ноах и Джейсон рассказывают истории о белоглазых привидениях, цитируя двух малолетних истеричек. Душевному спокойствию всё это не способствовало.

Он ушёл к себе в ячейку-кабинет и принялся прорабатывать предложения Левайтиса по дизайну второго поселения. Никаких фальшивых пейзажей, никаких декораций — обнажённые углы и кривые. Структурные элементы конструкции прекрасны в своей разумной необходимости. Форма соответствует функции. Свободное пространство в каждом квадранте будет не общей ячейкой, а просто свободным пространством — назовём его «квад». Десять метров в высоту, двести в поперечнике, под антисводом купола. Изя вывел изображение на голоэкран, оглядел с разных углов, прошёлся по нему...

Спать он лёг в четвёртом часу ночи, возбуждённый и довольный работой. Шошана крепко спала. Изя лежал в её недвижимом тепле, вспоминая события вёчера, — в темноте разум его работал яснее. Антисемитизма на ОСПУЗе не было. Только вспомнить, сколько из колонистов — евреи. Изя принялся считать в уме и обнаружил, что всё уже подсчитано, — в памяти само собой всплыло число *семнадцать*. Странно, ему казалось, их больше. Изя перечислил всех поимённо и снова получил *семнадцать*. Не так много, как могло быть, из *восьми-то сотен*, но куда лучше, чем у многих других групп.

12 В оригинале «С-1» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

13 В оригинале неуместное «все». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

14 В оригинале «С-3» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

15 В оригинале «С-3» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Проблем в выборе лиц азиатской национальности не было — в этом отношении опасаться приходилось скорее перебора, но недостаток чернокожих колонистов вызывал тогда, ещё в Союзе, долгие и мучительные битвы политики с совестью. Но обойти тот факт, что в тесном сообществе из восьмисот человек все и каждый должны соответствовать не только генетическому, но и личностному стандарту, никак не удавалось. А после развала системы государственных школ во время Рефедерации негры просто не получали нужного образования. Тем не менее,¹⁶ несколько чернокожих претендентов всё же нашлись, хотя почти никто из них не прошёл жёсткого отбора. Они были замечательными людьми, но этого было мало. Каждый взрослый человек на борту должен был являться выдающимся специалистом не в одной, а в нескольких областях. И не было времени обучать тех, кто, пусть не по своей вине, не получил форы на старте. Всё сходилось к тому, что Д. Г. Мэстон, *«отец ОСПУЗа»*, называл *«холодными уравнениями»* — цитата из старого рассказа, моралью которого было: *«Никакого мёртвого груза на борту!»* *«Слишком много жизней зависит от нашего выбора!»* — говорил он. — *Если бы мы могли позволить себе сантименты, пойти лёгким путём, то никто не радовался бы этому больше меня. Но у нас может быть только один критерий: абсолютное превосходство — физическое, умственное, во всех отношениях. Всякий, кто соответствует этому критерию — наш. Всякий, кто не соответствует — вылетает».*

Так что даже во времена Союза в Обществе состояло только трое негров. Гениального математика Мэдисона Алесса внезапно поразила отложенная радиационная болезнь, а после его самоубийства Везьи, прекрасная молодая пара¹⁷ из Англии, вышли из проекта и уехали домой. То была потеря не только для генетического разнообразия, но и для национального состава ОСПУЗа, потому что с их отъездом осталось лишь несколько человек, родившихся не в Союзе или США. Но, как указал Мэстон, это ничего не значило, потому что *национальность — ничто, а сообщество — всё*.

Дэвид Генри Мэстон применил *«холодные уравнения»* к себе. Когда Колония переместилась в Калифорнию, ему был шестьдесят один год. Он остался в Штатах. *«Когда ОСПУЗ построят, — сказал он тогда, — мне будет семьдесят. Чтобы семидесятилетний старик занял место деятельного учёного, женщины-роженицы, ребёнка с КИ 200? Шутить изволите?»* Мэстон был ещё жив там, внизу. Порой он выходил на связь по Сети из Индианаполиса с советами, всегда волевой, властный, хотя в последнее время — немного отставший от времени.

Но почему он, Изя, лежит здесь, вспоминая о старике Мэстоне? Поток мыслей вяз в болоте подступающего сна. Дрожь ужаса прошла по его расслабленному телу, заставив вздрогнуть каждый мускул, — древний, далёкий страх, страх беспомощности, безмыслия, страх перед сном. Потом пропал и ужас. И Исаак Розе пропал. Живое тело вздохнуло в темноте, внутри блестящей игрушки, ловко подвешенной на лунной орбите.

16 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

17 В оригинале «молодаяпара» слитно. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Линде Джонс и Триз Герлак было по двенадцать лет. Когда Эстер поймала их, чтобы задать пару вопросов, они немного стеснялись её и немного *презирали*, потому что, хотя ей уже шестнадцать, она такая «жутиковая» с этими стекляшками на носу, и Тимми Келли называл её *жидовкой*, а ведь Тимми Келли такой клёвый! ... Так что Линда отводила взгляд и делала вид, что не слышит, а вот Триз, казалось, была польщена. Хихикая, она сказала, что да, они и правда видели эту «жутиковую» женщину, и та действительно была какая-то обгорелая и блестящая, и даже одежда на ней обгорела, только тряпки остались. «*И груди у неё болтались, дико так было, длинные такие*, — сказала Триз. — *Суций жутик, да? Так и висели, Господи*».

— У неё были белые глаза?

— Это что, так дурашка Форт рассказывала? Она говорит, что тоже её видела. *А мы так близко не подходили*.

— Это *зубы* у неё были белые, — добавила Линда, не в силах перенести, что вся слава достаётся подруге. — Белые-белые, как череп, да, и их вроде как *слишком много было*.

— Точно в исторических видиках, — продолжила Триз, — знаешь, как те люди, которые жили до пустыни в этой... как её там? — Африке, вот. Вот *такая* она была. Как те *голодающие*. Слушай, может, какая-то авария случилась, а нам ничего не сказали? Может, солнечная буря? А эта женщина вроде как обгорела и с ума сошла и теперь прячется?

Триз и Линда были совсем не глупы — без сомнения, КИ у них переваливал за 150, как и у всех, — но *они родились в Колонии. Они никогда не бывали вовне*.

А Эстер была. И *помнила*. Розе присоединились к проекту, когда ей было семь лет. И она многое помнила из прошлой, городской жизни. Филадельфия: тараканы, дождь, сирены экологической тревоги и её лучшая во всём доме подруга, Савиора, у которой было десять миллионов крохотных косичек и каждая завязана красной ленточкой с синей бусинкой. Её лучшая подруга во всём доме, и в школе, и во всём мире. Пока ей не пришлось переехать в Штаты, а потом в Бейкерсфилд и проходить *обеззараживание*, избавляться от всего: от бактерий и вирусов, и грибов, от тараканов, радиации и дождя, от красных ленточек и синих бусинок и ясных глаз. «*Да я буду смотреть за тобой, слепышка*, — говорила Савиора, когда Эстер не помогла первая операция. — *Я буду твоими глазами, ладно? А ты станешь моей головой, особенно по арифметике*».

Странно, что спустя десять лет ей так ясно помнились эти слова. В ушах стоял голос Савиоры: как она выпевает слово «*арифметика*», так, что слово становится иностранным, непонятным, восхитительно-загадочным, синим и красным...

— А-риф-ме-е-тика, — пробормотала Эстер про себя, проходя коридором, но *у неё так не получалось*.

Ладно, допустим, что эта «обгорелая» женщина — негритянка. Но это не объясняет, как она попала в коридор С-2¹⁸, или в Общую, или на площадь во Флориде, где девочка по имени Уна Чен и её младший братишка видели её прошлым вечером сразу после выключения солнца.

«Срань какая, — думала Эстер Розе, проходя общей ячейкой, сливавшейся для неё в зелёно-голубой фон. — Если бы я только могла видеть. Да что толку? Эта женщина может проходить передо мной прямо сейчас, а я и не обращаю внимания, решу, что так и надо. Да откуда у нас взяться “зайцам”? На втором году жизни в космосе! Где она всё это время сидела?» И не было никакой аварии. Просто дети играют в кошмарики, пугают друг друга и пугаются сами. Пугаются старых документальных фильмов, чёрных физиономий, оскаленных от голода, когда все лица в их мирке белые, мягкие, жирные.

«Сон разума рождает чудовищ», — прошептала Эстер вслух. Она изучила весь файл «Шедевры западного искусства» в библиотеке, потому что, хотя мир и даже ОСПУЗ были ей недоступны, картинки она видеть могла, если наклонялась к ним достаточно близко. Гравюры были удобнее всего, они не превращались в путаницу цветных пятен, когда она увеличивала изображение, а оставались осмысленными — чёткие чёрные линии, тени и блики, складывавшие картину. Гойя, вот кто это был. Летучие мыши вылетают из головы спящего на полном книг столе, и надпись внизу: «Сон разума рождает чудовищ» — по-английски, на единственном языке, который она знает в жизни. Тараканы, дождь, испанский — всё смыто. Конечно, испанский язык хранился в памяти ЭМ. Как и все остальное. Если хочешь, можно его выучить. Но к чему, если тот же ЭМ может переводить с испанского на английский быстрее, чем человек читает или думает? К чему знать язык, на котором никто, кроме тебя, никогда не заговорит?

Эстер собиралась, придя домой, сказать матери, что переселяется в общежитие для несемейных на Боулдер-Дам. Сегодня и скажет. Как только домой придёт. Пора ей убираться. Хуже, чем дома, даже в общежитии не будет. Это невероятное семейство — папа, мама, братишка и сестрёнка — точно из прошлого века вылезли! Матка внутри матки! А вот и «маточная розочка», героиня космоса, топает домой по пластмассовой траве... Эстер всё же дошла до дому, распахнула дверь, обнаружила мать за компьютером в кухне и, сделав героическое усилие, выдавила:

— Шошана, я хочу переехать в несемейку. Мне кажется, так всем будет лучше. Как думаешь, Изя взовьётся?

Молчание тянулось долго. Эстер подошла поближе и только тут заметила, что мать плачет.

— О, — пробормотала она, — о... я не знала...

— Ничего, милая. Это не из-за тебя. Это Эдди...

18 В оригинале «С-2» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Сводный брат матери был единственным оставшимся у неё родственником. Они поддерживали связь через внешние каналы Сетей. Нечасто, потому что Изя решительно выступал против личных контактов с оставшимися внизу, а Шошана не любила перечить мужу ни в чём. Но она проговорила Эстер, а та свято хранила её тайну.

— Он *болен*? — спросила Эстер, чувствуя себя нехорошо.

— Он *умер*. Очень быстро. Один из БМВ. Белла послала письмо.

Шошана говорила медленно и очень обыденно. Эстер постояла немного, переминаясь с ног на ногу, потом подошла и робко коснулась плеча матери. Шошана обернулась, крепко прижала дочь к груди и разрыдалась, бормоча:

— Ох, Эстер, он был такой добрый, такой добрый, такой добрый! Мы всегда держались вместе, всех этих мачех, и подружек, и кошмары, которые мы пережили, я вынесла только благодаря Эдди, он мне помогал, он был моей *семьёй*, Эстер. Он был моей *семьёй*!

Может, это слово и впрямь что-то значило.

Наконец,¹⁹ мать немного успокоилась.

— Не хочешь говорить отцу? — спросила Эстер, заваривая чай на двоих.

Шошана покачала головой:

— Мне теперь уже всё равно, знает ли он о наших с Эдди разговорах. Но Белла просто послала письмо по Сетей. Мы не разговаривали.

Эстер подала ей кружку; мать отпила глоток и вздохнула.

— А ты хочешь переехать в общежитие, — проговорила она.

Эстер молча кивнула, чувствуя себя виноватой в том, что *бросает* мать.

— Наверное. Не знаю.

— Думаю, это хорошая мысль. Во всяком случае, попытаться стоит.

— Правда? ... А *он*, ну, понимаешь, он не...

— Да, — подтвердила Шошана. — Ну и что?

— Я правда *хочу* уйти.

— Так иди.

— А он не должен одобрить заявку?

— Нет. Тебе уже шестнадцать. Ты *совершеннолетняя*. Так гласит Кодекс Общества.

— Я не чувствую себя совершенной.

— Ничего. Ты справишься.

19 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Просто когда он впадает в раж, знаешь, словно он должен всё контролировать, а то всё пойдёт вразнос — я сама вразнос иду.

— Знаю. Но он переживёт. Даже гордиться будет, что ты так рано начала самостоятельную жизнь. Только пусть покипит и сбросит пар.

Изя их удивил. Он не стал кипеть и взрываться. Требование Эстер он встретил спокойно.

— Конечно. После пересадки глаз.

— После? ...

— Ты же не собираешься начинать взрослую жизнь с инвалидностью, от которой можешь избавиться?²⁰ Это просто *глупо*, Эстер. Ты хочешь независимости — значит, тебе нужно здоровое тело. Обрети зрение — и лети. Ты думаешь, я стану тебя удерживать? Дочка, да я *мечтаю* отправить тебя в свободный полёт!

— Но...

Изя молчал.

— А она готова? — поинтересовалась Шошана. — Или врачи придумали что-нибудь новенькое?

— Тридцать дней иммуносупрессивной подготовки — и можно пересаживать оба глаза. Я вчера поговорил с Диком после заседания Совета по здоровью. Завтра можно будет пойти и выбрать пару.

— *Выбирать* глаза? — переспросил Ноах. — *Жутики* какие!

— А что... а что, если я не захочу? — спросила Эстер.

— *Не захочешь?* Не захочешь *видеть?*

Эстер отвела взгляд. Шошана молчала.

— Тогда ты подчинишься страху. Это *естественно*, но *недостойно* тебя. И ты всего лишь отнимешь у себя самой несколько недель или месяцев ясного зрения.

— Но я уже *совершеннолетняя*. Я могу выбирать сама.

— Можешь, и выберешь. И ты сделаешь *разумный* выбор. Я *уверен* в тебе, дочка. Докажи мне, что я *уверен* не зря.

20 В оригинале точка вместо вопросительного знака. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Иммуносупрессивная подготовка оказалась едва ли не хуже деконтаминации²¹. Бывали дни, когда Эстер ничего, кроме машин и трубок, не видела. Бывали, однако, и такие, когда она чувствовала себя почти человеком и радовалась, когда скуку разгоняли визиты Ноаха.

— Эй, — сказал он, — ты слышала про *старуху*? Её все в Городском видели. Началось с того, что закричал ребёнок, потом его мать увидела, а потом вообще все. Говорят, она такая *сморщенная*; старенькая, вроде как азиатка, знаешь, с раскосыми глазами, как у Юкио и Фреда, но *скрюченная*, и ноги у неё кривые. Она ходит там и вроде бы собирает мусор с палубы, только никакого мусора там нет, и складывает в мешок. Если к ней подойти, она *пропадает*. И ещё у неё *во рту ни единого зуба нет!*

— А обожжённая ещё ходит?

— Ну, во Флориде заседал какой-то женский комитет, и тут за столом появляются ещё трое, и все *чёрные*. Поглядели и пропали.

— О-о, — выдавила Эстер.

— Папа назначил себя в Аварийный комитет, там всё больше психологи. Разрабатывают теорию массовых галлюцинаций, сенсорных деприваций и всё такое. Он тебе сам всё расскажет.

— Да, уж он *расскажет*.

— А, Эся...

— Эся-меся.

— Они уже... то есть я хочу сказать... ты уже...

— Да, — ответила она. — Вначале вынимают старые. Потом ставят новые. Потом соединяют нервы.

— Ой!

— Вот-вот.

— А тебе правда придётся *выбирать*...

— Нет. Врачи мне найдут наиболее совместимые генетически. Уже подобрали пару отличных *еврейских* глаз.

— Что, точно?

— Да нет, *шучу*. Не знаю.

— Хорошо станет, когда ты будешь ясно видеть, — проговорил Ноах, и впервые Эстер услышала в его голосе хрипотцу, как у гобоя, первый надлом.

— Слушай, у тебя есть запись «Сатьяграхи»²²? Я хочу послушать.

Оба, и брат и сестра, разделяли страсть к опере двадцатого века.

21 Подразумевается decontamination, деконтаминация, дезактивация, дезинфекция, т. е. обеззараживание, очистка. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Не вижу в этом игры ума, — заявил Ноах голосом отца. — Полное безмыслие.

— Ага, — согласилась Эстер. — И всё на санскрите.

Ноах включил запись с последнего акта. Они вслушивались в высокий и чистый голос тенора, выпевающий летящие ноты — всё выше, выше, как горные пики над облаками.

— Есть повод для оптимизма, — сказал врач.

— *Что* вы хотите сказать? — поинтересовалась Шошана.

— Что они *ничего не гарантируют*, Шо, — пояснил Изя.

— Почему?! Обещали, что это *простая* операция! ...

— В *обычном* случае...

— А *такие* бывают?

— Да, — отрезал доктор. — Этот случай *необычен*. Операция прошла идеально. Подготовка — тоже. Но реакция пациентки позволяет предположить возможность — маловероятную, но всё же — частичного или полного *отторжения*.

— Слепоты.

— Шо, ты знаешь, даже если она отторгнет эти трансплантаты²³, можно попробовать снова.

— Вообще-то электронные импланты могут оказаться функциональнее. Сохраняются зрительная функция и ориентация в пространстве. А для периодов бездействия зрения есть *съёмные* сонары.

— Так что у нас *есть поводы для оптимизма*, — прошептала Шошана.

— *Осторожного* оптимизма, — уточнил доктор.

22 Satyāgraha, сатьяграха (санскрит, буквально — «упорство в истине») — ненасильственная форма антиимпериалистической борьбы (пассивное сопротивление, теория ненасилия), которую разработал и ввёл в национально-освободительное движение Индии Мохандас Карамчанд «Махатма» Ганди (Mohandas Karamchand «Mahatma» Gandhi, 1869-1948 гг.), также нередко именуемая гандизмом (Gandhiism, Gandhism). Впервые была применена им в Южно-Африканском Союзе как форма борьбы против расовой дискриминации проживающих там индийцев. Это политико-религиозное течение получило широкое применение в национально-освободительном движении индийского народа против английских колонизаторов в 1918-47 гг.. Сатьяграха включает методы несотрудничества и гражданского неповиновения: массовые митинги, демонстрации, прекращение работы, бойкот английских учреждений и колониальной администрации, отказ от уплаты налогов (в качестве крайней меры), etc. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

23 В оригинале великомогучее «трасплантаты». (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Я позволила тебе сделать *это*, — сказала Шошана. — *Позволила*, а могла остановить.

Она выдернула руку и свернула в поперечный коридор.

Изе пора было в доки, *давно* пора, но, вместо того чтобы двинуться от Центра здоровья прямо вниз, он направился к *самой* дальней лифтовой шахте, через весь Городской ландшафт. Ему нужно было побыть одному, подумать. Одну даже операцию Эстер тяжело было перенести, а ещё эта массовая истерия, и если Шошана теперь бросит его... Изе мучительно, страстно хотелось побыть в одиночестве. Не сидеть с Эстер, не говорить с докторами, не спорить с Шошаной, не идти на заседание комитета, не выслушивать, как истерики пересказывают свои галлюцинации, — только побыть в одиночестве, перед терминалом ЭМ, ночью, в покое.

— Только глянь, — произнёс высокий мужчина, Лакснесс из ЭВАК, остановившись рядом с Изей и вглядываясь во что-то. — Что будет дальше? Как по-твоему,²⁴ Розе, *что* творится?

Изя проследил за направлением его взгляда. Мальчишка переходил коридор-улицу от одного кирпично-каменного фасада к другому.

— *Мальчишка?*

— Да, Господи, *посмотри на них*.

Ребёнок уже ушёл, а Лакснесс всё смотрел, по временам сглатывая, точно его тошнило.

— Мортен, *он ушёл*.

— Должно быть, это из районов голода, — отозвался Лакснесс, не меняясь в лице. — Знаешь, в первые пару раз я думал, что это голографические проекции. Решил, что это кто-то вытворяет, — знаешь, может, у связистов крыша поехала или ещё что.

— Мы исследовали эту возможность, — заметил Изя.

— Ты *на их руки* глянь. Господи!

— Мортен, *там никого нет*.

Лакснесс глянул на него:

— Ты *ослеп?*

— *Там никого нет*.

Лакснесс смотрел на него, точно сам Изя был галлюцинацией.

— Теперь мне кажется, что это наша вина, — сказал он, переводя взгляд на то, что мерещилось ему посреди площади. — Но что нам делать? Не знаю.

24 В оригинале точка вместо запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

Внезапно он шагнул вперёд и замер с тем разочарованным выражением, которое Изя привык уже видеть на лицах тех, чьи галлюцинации рассеивались.

Изя прошёл мимо. Он хотел сказать что-нибудь Лакснессу, но не мог придумать *что*.

Проходя по коридору, он ощутил странное чувство — точно он проталкивается через некую субстанцию или, может быть, *толпу*, неощутимую, не мешающую идти. Только множество не-прикосновений к рукам, к плечам, как тысячи электрических уколов, дыхание в лицо, неощутимое сопротивление. Изя добрёл до лифтов и спустился в доки. Кабина была *переполнена*, но Изя ехал в ней *один*.

— Привет, Изя. Видел уже *привидения*? — весело приветствовал его Эл Бауэрман.

— Нет.

— Я тоже. Даже *неловко*. Вот распечатка по моторному отделению, с новыми данными.

— Морт Лакснесс только что бредил в Городском. Вот уж кого не назвал бы *истериком*.

— Изя, — укорила его Ларейн Гутьеррес, помощник механика, — при чём тут истерика? *Эти люди здесь*.

— Какие люди?

— С Земли́.

— Мы все, сколько я помню, с Земли́.

— Я о тех людях, которых все видят.

— Я не вижу. Эл не видит. Род не...

— Видел уже, — пробормотал Род Бонд. — Не знаю. Это бред какой-то, Изя, я знаю, но эта толпа, которая вчера заполонила коридор Пуэбло, — я знаю, через них можно пройти, но все их видят — они точно стирали бельё и полоскали в реке. Вроде старой ленты по антропологии.

— Массовый психоз...

— ... Ничего общего с этим не имеет, — отрезала Ларейн. В голосе её прорезались визгливые нотки. —²⁵ *«Она выходит из себя, — подумал Изя, — стóит с ней не согласиться»*. — Эти люди здесь, Изя. И с каждым днём их всё больше.

— Итак, станция полна настоящих людей, сквозь которых можно пройти насквозь?

25 В оригинале после точки без тире, хотя речь персонажа прерывается.
(прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Хороший способ избавиться от тесноты, — с застывшей улыбкой подтвердил Эл.

— И то, что видите вы, реально, даже если я этого не вижу?

— Не знаю я, *что* ты видишь, — огрызнулась Ларейн. — И *не* знаю, *что тут настоящее*. Я знаю, что *они* — *здесь*. Не знаю, *кто* они; может, это мы выясним. Те, кого я видела вчера, были из какого-то примитивного народа, все в шкурах, но они были даже красивы — люди, конечно, а не шкуры. Не изголодавшиеся и очень внимательные, наблюдательные такие. Мне показалось даже, что не только мы их, а и они нас видят, но в этом я не уверена.

Род согласно кивал:

— Ага, а потём вы с ними *разговаривать* начнёте. *Привет, ребята, добро пожаловать на ОСПУЗ*.

— Пока что, если подойти, они куда-то пропадают, но к ним можно приблизиться всё больше, — серьёзно ответила Ларейн.

— Ларейн, — медленно проговорил Изя, — ты сама себя слышишь? Род? Слушайте, если я приду и скажу: *«Эй, ребята, знаете что, тут трёхголовый пришелец телепортировался с летающей тарелки, так что...»* Что? Вы его не видите? Ларейн, не видишь? Род? Не видите? А я вижу! И ты видишь, Эл, правда? Видишь трёхголового пришельца?

— А как же, — ухмыльнулся Эл. — Маленького и зелёнького.

— Вы нам *верите*?

— Нет, — ответила Ларейн сердито. — Потому что *вы врёте*. А мы — *нет*.

— Тогда вы сошли с ума.

— Отрицать то, что я и все остальные видим своими глазами, — вот это безумие.

— Эй, онтологические споры, конечно, жутко интересны, — прервал их Эл, — но нам уже двадцать пять минут как следовало заняться отчётом по моторному отсеку.

Той ночью, работая за терминалом, Изя вновь ощутил мягкое электрическое покалывание в руках, стеснение, шепоток за пределом слышимости, запах пота, а может, мускуса или человеческого дыхания. Он стиснул голову руками, потём поднял взгляд к терминалу электронного мозга и пробормотал, словно обращаясь к нему: *«Не допусти этого. У нас нет другой надежды»*.

Но экран был пуст, а неподвижный воздух — лишён запаха.

Изя ещё поработал немного, потом отправился спать. Его жена лежала рядом в ночной тишине — и всё же дальше самых далёких планет.

А Эстер лежала в больнице, в вечной тьме. Нет, не вечной. *Временной*. Целительной тьме. Она *будет видеть*.

— Что ты делаешь, Ноах?

Мальчик стоял у кухонной мойки, зачарованно глядя на стоящую в раковине воду.

— Смотрю на *золотых рыбок*, — ответил он. — Их *выплюнуло* из крана.

— Вопрос заключается в следующем: до какой степени концепция иллюзии может описать интерактивную сцену, воспринимаемую совместно *несколькими* наблюдателями?

— Ну, — заметил Хайме, — сама интерактивность может быть частью иллюзии. Вспомним Жанну д'Арк и её голоса.

Но в его собственном голосе не было убеждённости, и Елена, ставшая лидером Аварийного комитета, задала резонный вопрос:

— Может, ещё *пригласим наших гостей на это заседание*?

— Стойте, стойте, — перебил её Изя. — Вы говорите «*воспринимаемую совместно*». Но она же *не* воспринимается совместно. Я её не вижу. Есть и другие, кто *не видит*. Так на каком основании вы объявляете её *совместной*? Если эти фантомы, эти «*гости*» неощутимы, исчезают при приближении, беззвучны, так они не гости, а *привидения*, а вы отбрасываете рассудок и...

— Изя, прости, конечно, но ты не можешь отказывать им в существовании из-за того, что не можешь их воспринимать.

— А что, может существовать более веское основание?

— Но ты отказываешь нам в праве на том же основании утверждать их реальность.

— Основанием для оценки галлюцинаторного бреда является отсутствие галлюцинаций у наблюдателя.

— Так зови их *галлюцинациями*, — посоветовала Елена. — Хотя мне больше нравятся «*призраки*». Возможно, оно и точнее. Но мы не умеем сосуществовать с призраками. Нас этому не учили. Так что обучаться придётся по ходу дела — поверьте мне, *придётся*. Они никуда не пропадают, они здесь, и даже наше «*здесь*» меняется. Если захочешь, Изя, ты можешь быть очень полезен нам именно тем, что не видишь ни наших... гостей, ни перемен. Но мы, видящие, должны выяснить, как и откуда они берутся. И если ты будешь слепо отрицать их существование, ты просто ставишь нам палки в колёса.

— Кого боги хотят уничтожить, — произнёс Изя, вставая из-за стола, — того они лишают разума.

Остальные молчали, смущённо опустив глаза. Комнату он покинул в тишине.

По коридору СС бежала, смеясь и хохоча, толпа людей.

— К перекрёстку их, к перекрёстку! — вопил здоровяк пилот-инженер Стирнен, размахивая руками, точно погоняя кого-то.

— Это бизоны! — кричала женщина. — Бизоны! Гоните их по коридору С²⁶, там места больше!

Изя шёл прямо и смотрел только перед собой.

— У входа вырос *вьюн*, — сказала Шошана за завтраком так обыденно, что Изя на мгновение обрадовался, что они наконец-то могут поговорить,²⁷ как взрослые люди.

Потом до него *дошло*.

— Шо...

— И что я могу поделать, Изя? Чего ты хочешь? Чтобы я наврала тебе, или промолчала, сказала, что ничего там не растёт? Да *вот она*. По-моему, *это красная фасоль*. Она *есть*.

— Шо, фасоль растёт в земле. На Земле. На ОСПУЗе *земли нет*.

— Знаю.

— Так как ты можешь *знать* это и *отрицать*?

— Всё движется в обратную сторону, пап, — произнёс Ноах новым, хрипловатым голоском.

— Как это?

— Вначале появлялись люди. Все эти жуткие старухи, калеки и прочие, помнишь? — а потом обычные люди. Затем пошли животные, а теперь вот растения и вещи. Мам, ты слыхала, что в Резервуарах видели *кота*?

Шошана рассмеялась:

— Нет, видела только *коней* в Общей ячейке.

— Красивые они были, — вздохнул Ноах.

— Я их не видел, — вымолвил Изя. — Никаких *коней* в Общей.

26 В оригинале «С» кириллицей. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

27 В оригинале без запятой. (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Целый *табун*. Правда, к себе они не подпускают. Дикие, наверное. Там было несколько очень красивых, пятнистых. Нина говорит, они называются «*аппалуза*»²⁸.

— Я не видел коней, — прошептал Изя, стиснул голову руками и *разрыдался*.

— Эй, пап, — услышал он голос Ноаха, а потом Шошаны:

— Всё хорошо. Ничего. Ничего. Иди в школу. Всё хорошо, дорогóй.

Зашипела дверь.

Ру́ки Шошаны приглаживали его волосы, массировали плечи, чуть встряхивая, чуть покачивая.

— Всё хорошо, Изя...

— Нет. Нет. *Нехорошо*. Всё не так. *Мир сошёл с ума*. Всё рухнуло, всё разрушено, разбито, испорчено. *Всё не так*.

Шошана долго молчала, растирая мужу плечи.

— Мне страшно, когда я думаю об этом, Изя, — призналась она наконец. — Это *сверхъестественно*, а я не верю в сверхъестественное. Но если я перестану думать умными словами, если я просто *смотрю*, смотрю на людей и... и коней, и фасоль у дверí... всё *обретает смысл*. Как мы подумали, как мы могли подумать, что можем уйти от всего этого? Что мы о себе возомнили? Мы привезли с собой всё, что мы есть, коней, и китов, и старух, и больных детей. Они — это мы, мы — это они, и *все мы здесь*.

Изя помолчал чуть-чуть и глубоко вздохнул.

— Вот-вот, — горько прошептал он. — Не сопротивляйся. Прими необъяснимое. Веруй, потому что нелепо. Да *кому нужно это понимание?* Кому это интересно? *Мир куда осмысленней, если не пытаться в нём разобраться*. Может, нам всем сто́ит сделать себе *лоботомию*? Тогда *жизнь точно стала бы проще*.

Шошана отпустила его плечи.

— А после лоботомии поставим себе электронные мозги, — подхватила она. — И переносные сонары. Чтобы не наткаться на призраков. Думаешь, хирургия — ответ на все проблемы?

Изя обернулся, но она стояла к нему спиной.

— Я в больницу, — сказала она и ушла.

28 В оригинале так и было некое «аппалуза» (не исправляю, пусть устыдится переводчик — В. Серебряков), хотя несомненно подразумевается appaloosa, т. е. аппалуса — североамериканская порода коней, характерная тёмными пятнами на светлом фоне (обычно на крестце), название 1920-х годов, гипотетически происходит из индейского племени палус (palúus) в честь одноимённой речки (Palouse) в штате Айдахо (Idaho) либо по названию гóрода Апельусас (Opelousas) в штате Луизиана (Louisiana). (прим. ред. Alex.Rus.UA)

— Эй! *Берегись!* — кричали ему.

Изя не знал, *сквозь что* он идёт, по мнению кричащих, — сквозь отару овец, сквозь толпу танцующих голых дикарей, сквозь болотистую топь — и ему было всё равно. Он видел только Общую ячейку, коридоры, блоки.

Ноах пришёл домой стирать майку — сказал, что, *играя в футбол, извозился в грязи, покрывшей стерильную астропочву в Общей*. А Изя шёл по пластиковой траве и дышал стерильным профильтрованным воздухом. Он проходил *сквозь* двадцатиметровой высоты вязы и каштаны, а *не между* ними. Он добрался до лифта, нажал на кнопку и вышел к Центру здоровья.

— А Эстер сегодня утром выписали! — заявила улыбчивая медсестра.

— *Выписали?*

— Да. С самого утра пришла такая маленькая негрityночка с запиской от вашей жены.

— Можно глянуть?

— Конечно. Записка в её истории, минутку...

Медсестра сунула ему записку. Почерк принадлежал *не* Шошане. Неровные буквы выводила Эстер, и на записке стояло его имя — «Исааку Розе». Изя развернул её:

«Я пошла гулять в горы.

Люблю, твоя Эстер».

У дверей Центра здоровья Изя остановился и оглянулся. Коридоры шли направо, налево и прямо. Высота 2,2 метра, ширина 2,6 метра, стены бежевые, на сером полу цветные полосы. Синяя полоска заканчивалась у дверей Центра здоровья или начиналась там — смотря как считать, — но белые стрелки на синей полоске указывали в сторону Центра, так что линия всё же заканчивалась там, где стоял сейчас Изя. Пол светло-серый, если не считать цветной разметки, совершенно гладкий, почти ровный, потому что здесь, на восьмом уровне, кривизна поверхности ОСПУЗа почти не ощущалась. Через каждые пять метров на потолке установлен панельный светильник. Изя знал все интервалы, все спецификации, все материалы и все швы. Он помнил их *все*. Он годами не мог выбросить их из головы. Он *создал* их. Он их *спланировал*.

Нельзя потеряться на ОСПУЗе. Все коридоры ведут к знакомым местам. Достаточно следовать стрелкам на цветных линиях. Если даже ты пройдёшь всеми коридорами, проедешь всеми лифтами, ты не сможешь *затеряться* и окажешься там, откуда начал путь. И ты не споткнёшься на

этом пути, потому что все полы — из полированного металла, выкрашенного светло-серой краской, а на ней — цветные полосы и белые стрелки, ведущие тебя к желанной цели.

Изя сделал два шага и, *споткнувшись*, полетел кувырком. Под руками он ощутил нечто шершавое, неровное, острое. Сквозь гладкий металлический пол пробивался *камень* — тёмный, серо-бурый с белыми жилками, истрескавшийся и бугристый. Под пальцами Изи *рос клочок желтоватого лишайника*. Правая ладонь болела; Изя поднял руку, чтобы посмотреть, — он содрал кожу при падении. Он слизнул выступившую капельку крови, потом, сидя на корточках, глянул на камень, потом дальше, вдоль коридора. И не увидел ничего, кроме стен. Но ему не нужно ничего, кроме камня, пока он не найдёт её. Камень и вкус собственной крови. Изя встал:

— Эстер!

Эхо слабо заметалось по коридору.

— Эстер! Я не вижу! *Научи меня видеть!*

Ответа не было.

Он двинулся в путь, осторожно обходя валун и так же осторожно продвигаясь дальше. Путь был долог, и Изя всё боялся сбиться с дороги. Он уже не знал, *куда бредёт*, только ощущал, что *склон под ногами становится всё круче, а воздух — всё холоднее и разреженней*. Он уже ничего не знал. Только услышав резкий голос матери: «Исаак, ты что, заснул?» — он обернулся. *Мать сидела рядом с Эстер на гранитном уступе у пыльной тропы. За ними, по другую сторону воздушной бездны, под ярким горным солнцем сверкали снежные пики. Эстер глянула на отца ясными чёрными глазами и промолвила:*

— Ну вот. Теперь можно и спускаться.

1991 © Урсула Кроубер Ле Гуин

ИНФОРМАЦИЯ О КНИГЕ:

«Сон Ньютона» Урсула Кроубер Ле Гуин
«Newton's Sleep» Ursula Kroeber Le Guin
1991 © Ursula Kroeber Le Guin/Урсула Кроубер Ле Гуин
editor: Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus

Авторство документа:	Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus
Редакция и оформление:	23.09.2017
Время редактирования:	01:27:54
Количество сохранений:	75

Общее количество страниц:	32
Общее количество абзацев:	414
Общее количество слов:	9183
Общее количество символов:	57456

Copyright © 1991 by Ursula Kroeber Le Guin

Copyright © 1997 by В. Серебряков (перевод)

*Copyright © 23.09.2017
by Alex.Rus.UA AKA Alex-Rus*

Le Guin